

— А ты действительно здесь. Знаешь, когда Сугуру сказал мне, что Нанако и Мимико видели тебя в Сэндае, я не особо поверил. А оно вон как — не соврали.

Чем дольше говорил Сатору Годзё, тем шире становилась его улыбка. Он изменился до неузнаваемости — в этом статном мужчине теперь и следа не осталось от прежнего дикого, строптивого подростка.

Но было очевидно: этот широко улыбающийся Сатору внушал куда больше ужаса, чем тот вечно хмурый юнец десять лет назад.

Мегуми Фусигуро, знавший Годзё уже не первый год, замер в изумлении. Прежде ему никогда не приходилось видеть у своего наставника такого выражения лица. В представлении Мегуми этот человек всегда оставался абсолютно равнодушным ко всему на свете. Желающих выслужиться перед ним было хоть пруд пруди, но Сатору не удостаивал их даже мимолётным взглядом. И сейчас Фусигуро впервые видел, чтобы Годзё проявлял к чему-то настолько неистовую, граничащую с безумием одержимость.

— Ах да, ты ведь не знаком с Нанако и Мимико? Это приемные дочери Сугуру. В свое время нам пришлось изрядно попотеть и пойти на мелкие уловки, чтобы утрясти все эти бумажные формальности. Впрочем, неудивительно, что ты о них не слышал. Ты ведь к тому моменту уже успел «умереть».

Сатору легко спрыгнул на землю. Шагал он неторопливо, со своей привычной вальяжной небрежностью, словно просто прогуливался по парку, а не шёл вразвалку прямо туда, где Король Проклятий сошёлся лицом к лицу с проклятием особого ранга.

Атмосфера вокруг оставалась натянутой до предела — точно тетива лука, согнутого в дугу. Невозможно было предугадать, в какое именно мгновение сорвётся стрела и чьё сердце она пронзит.

— Почему ты не вернулся? Мы же обещали всегда быть вместе... Неужели я один принял это всерьёз? Мне так больно, ты бы знал...

Приторно-капризные, заискивающие интонации Сатору к концу фразы сменились леденящим душу холодом, а с его лица исчезли последние остатки улыбки.

На мгновение показалось, будто всё мироздание заполнили бесчисленные пары небесно-голубых глаз. Они моргали в унисон, и взмахи их белоснежных ресниц напоминали трепет ангельских крыльев со страниц Священного Писания, роняющих перья. В этих бездонных глазах не было ни капли тепла — лишь холодный, бесстрастный взор, устремлённый на грешника, зажатого в кольцо безжалостного суда. Эта неземная, священная красота разила столь остро и беспощадно, что проникала в самые глубины души. Человека охватывал первобытный ужас от осознания, что все его тайны и сокрытый во тьме мрак обнажены перед этим всевидящим оком.

«Дело дрянь».

А-Эр, преданно следовавший за Сатору с самого детства, прекрасно понимал: его господин сейчас в ярости. Видимо, осознание того, что Сидзука всё это время преспокойно жил на белом свете, но даже не подумал к нему вернуться, а вместо этого якшался с кем-то посторонним, больно ударило по его самолюбию. Обещание было нарушено, и это приводило Годзё в бешенство.

Господин Сатору с малых лет отличался безумной собственнической натурой. А поскольку Сидзука изначально был рождён на свет лишь ради того, чтобы стать верным слугой юного наследника, тот безоговорочно считал его своей безраздельной собственностью.

У Сатору никогда не было друзей. С самого младенчества его растили под строжайшим присмотром в самом сердце клана Годзё. Родителям несказанно повезло произвести на свет такое чудо, их собственное положение в семье взлетело до небес, однако с родным сыном они оставались чужими людьми. Их отношения едва ли походили на семейные: это был союз капризного божества, окружённого толпой благоговейных почитателей, и заурядных супругов, которым посчастливилось стать его земными проводниками.

Единственным, кто всегда оставался рядом с ним в те годы, был Сидзука.

«Значит, Сатору вовсе не был дикарём, просто слишком тщательно выбирал окружение. Он прекрасно справится и без меня».

Но это было лишь иллюзией.

Глядя на разъярённого Сабору, А-Эр чувствовал, как по спине струится холодный пот. В голову даже закралась малодушная мысль: а не прикинуться ли дурачком и не разыграть ли потерю памяти?

«Нет, стоп! Не хватай дурную привычку Кадзумы Арааки вечно прятать голову в песок!»

Система, которая всё это время увлечённо наблюдала за представлением, не удержалась от ехидного комментария:

— Если продолжишь в том же духе, у тебя точно разовьётся шизофрения.

Рёмэн Сукуна, явно раздосадованный тем, что у него отобрали столь зрелищное развлечение, со скучающим видом перевёл взгляд на незваного гостя. Усмехнувшись, он пренебрежительно бросил А-Эру:

— А ты, я гляжу, всё так же любишь крутиться у него под ногами.

«Да сколько можно повторять: я понятия не имею, о чём ты толкуешь!»

— О-о? — протянул Сабору. — Неужели Сидзука Годзё завёл себе новых... дру-зей, пока меня не было рядом?

«Молодой господин, ну хоть вы-то не подливайте масла в огонь!»

А-Эр, и без того стоявший как на иголках, бросил на него быстрый предостерегающий взгляд. Сейчас было не время для препирательств: первоочередной задачей оставалось спасение Юдзи Итадори. Отогнав лишние эмоции, он попытался сосредоточиться на главном.

Они с Сабору встретились взглядами. Тот ещё не до конца разобрался в происходящем, однако поразительное взаимопонимание, выработанное за долгие годы совместной жизни, помогло ему мгновенно считать немую просьбу: «Сперва дело».

Годзё демонстративно вздохнул и сделал великодушный жест рукой — мол, уступаю дорогу. А-Эр прекрасно знал, что позже Сабору непременно требует с него должок за это молчание, но сейчас приходилось расставлять приоритеты.

— Юдзи! — позвал он мальчика, силясь достучаться до истинного хозяина тела. — Ты слышишь меня? С тобой всё в порядке?

Вместо ответа Король Проклятий лишь издевательски расхохотался, отпустив в его адрес пару язвительных и дерзких колкостей.

А-Эр помрачнел.

Прежде он полагал, что сознание Юдзи стёрто подчистую, но раз мальчик всё ещё боролся за право владеть собственной плотью, действовать напролом было нельзя. Любой неверный шаг мог погубить сосуд.

«Как же заставить этого ублюдка убраться из тела Юдзи? Должен же быть хоть какой-то способ...»

Словно прочитав эти мысли, Сукуна хищно оскалился:

— Плоть у тебя, конечно, редкостная гадость, но так и быть, пойдём на сделку. Позволишь мне отведать твоего мяса — и я оставлю этого щенка в живых.

«Серьезно?»

А-Эр на мгновение задумался и пришёл к выводу, что сделка более чем выгодная. Он ведь уже проверял возможности своего нынешнего тела: даже если ему оторвут руки и ноги, проклятая техника без труда вырастит новые конечности. Да, это потребует колоссального расхода проклятой энергии, но этот ресурс восполняем — достаточно получить ещё несколько ранений, и сила восстановится сама собой.

— Не вздумай верить этому проходимцу! — внезапно завопил Юдзи Итадори. Мальчик от испуга сумел на миг вернуть контроль над телом и теперь отчаянно жестикулировал. — Ты чего вообще? У тебя же на лице написано, что ты считаешь эту сделку выгодной!

— Всё равно всё отрастёт заново, — невозмутимо отозвался А-Эр. — Разве твоя жизнь не стоит пары оторванных кусков плоти?

— А... — Юдзи густо покраснел и смущённо поскрёб затылок. — Мне, конечно, очень приятно, что ты так за меня переживаешь... Но даже не думай соглашаться на подобные безумства! Плевать, что там отрастёт, так нельзя!

Сукуна в сознании Итадори издал разочарованный, полный отвращения звук.

Взирая на парящее перед ним тёмное проклятие глазами Юдзи, Сукуна невольно предался воспоминаниям, уносящим его в невообразимо далёкое прошлое.

Тот мужчина всегда носил белое кимоно, расшитое затейливым узором небесно-голубого цвета. Одежда эта ему, по правде говоря, совсем не шла. На вкус Сукуны, тому куда больше подошли бы яркие, кричащие наряды — вроде того красно-чёрного кимоно, что некогда случайно попало в руки Короля Проклятий. Однако упрямец упорно облачался в свой излюбленный белый наряд. Точнее сказать, он носил его ради кого-то другого.

На расспросы зевак о том, кто он такой, мужчина лишь кротко отвечал: «Мокша». Он хранил молчание, когда его спрашивали, откуда он пришёл и куда держит путь. Но стоило кому-то полюбопытствовать о происхождении его белого одеяния, на его губах блуждала мягкая, тёплая улыбка: «Это одежда моего друга».

Он не любил Сукуну. К счастью, это чувство было взаимным. Мужчина с его вечно безмятежным лицом, бесконечными разговорами о милосердии, чужих желаниях и дружбе казался Королю Проклятий полной противоположностью его собственного естества. И эта приторная святость раздражала до дрожи в зубах.

Однажды в пылу сражения Сукуна оторвал и сожрал его руку. Плоть этого «святоши» оказалась невыносимо горькой, жесткой — от одного только пережёвывания кровоточили дёсны. А когда куски скользнули в желудок, пищевод и нутро обожгло такой дикой, спазматической болью, словно он наглотался раскалённых углей.

Но глядя в его чистые глаза, Сукуна отчётливо понимал: этот человек обречён низвергнуться в

бездну. Чем ярче сияет свет, тем гуще и чернее отбрасываемая им тень. Наш мир слишком уродлив и жесток, чтобы пощадить непорочную белизну. Тем более что под маской кротости у этого праведника скрывалось безумное, фанатичное упрямство.

О, как же сладостно было бы однажды повалить этого падшего святого в грязь, прижать к земле, слизывать кровь с его покрытого шрамами лица и бесцеремонно совать пальцы в его рот, затыкая эту вечно лепечущую о глупостях глотку! Пожирать его плоть под его же полным ненависти и отвращения взором... Какое невыразимое, извращённое наслаждение!

В тот самый миг в душе Сукуны, привыкшего потакать любым своим мимолётным прихотям от неизбывной скуки, зародилось непреодолимое вожделение. Он обязан, просто обязан своими глазами увидеть крах этого безупречного создания, а затем с наслаждением сожрать его до последнего кусочка. И пусть эта ядовитая святая плоть разъест его собственные внутренности, пусть он захлебнётся кровью — оно того стоит.

Сукуна хрипло, раскатисто рассмеялся и, прекратив бессмысленную борьбу с мальчишкой за контроль, позволил своему разуму погрузиться обратно в тёмные глубины чужого подсознания.

Тем временем Сатору, перебросившись парой слов с Мегуми, окончательно вник в суть происходящего. Глядя на то, как человек, о встрече с которым он грезил долгие годы, сейчас пекся лишь о каком-то безвестном мальчишке, Годзё оставался на удивление спокоен.

В конце концов, Сидзука всегда был таким. Нежным и одновременно беспощадным. Если он что-то вбивал себе в голову, чужие чувства и мнения переставали для него существовать.

Сатору не стал тратить время на пустую болтовню. Поймав момент, когда расслабившийся Юдзи отвлёкся, он молниеносным щелчком отправил его в глубокий обморок.

— Что ж, для начала заберём юного Итадори с собой, — весело подытожил Годзё.

Затем он небрежно ткнул пальцем в сторону хмурого подростка:

— Кстати, ты в курсе, чьё это чадо? Познакомься, Мегуми Фусигуро, сын того самого человека!

Мегуми, оскорблённый тем, что его выставили напоказ словно редкого зверя в зоопарке, недовольно буркнул под нос.

— Тодзи?.. — А-Эр замер, поражённый этой новостью, и мгновенно оказался вплотную к мальчику. — Так ты... сын Тодзи?

Мегуми, почти не помнивший родителя, лишь отвёл взгляд:

— Извини, я о нём почти ничего не знаю.

А-Эр мягко покачал головой. Он осторожно протянул руку и коснулся щеки Мегуми. Черты лица подростка неувлимо напоминали покойного отца — сомневаться больше не приходилось. А-Эр ласково улыбнулся, вспомнив, как когда-то давным-давно держал этот крохотный, хрупкий комочек на руках.

— Какая ностальгия...

Скрытый под тёмной вуалью, А-Эр искренне, нежно улыбнулся.

Когда они ещё были детьми, он как-то раз застал, как члены клана Дзэнъин измываются над Тодзи. Сидзука попытался заступиться, однако гордый и упрямый мальчишка наотрез отказался от помощи и со всей силы ударил его по руке, прогоняя прочь. Удар оказался такой силы, что Сидзука заработал перелом.

Лёд между ними растаял лишь тогда, когда Тодзи случайно стал свидетелем мучений А-Эра во время «Проклятия полнолуния». Не говоря ни слова, он распорол себе запястье и заставил Сидзуку пить хлынувшую кровь — видимо, посчитав, что таким образом полностью вернёт долг чести.

«Может, всё дело в безупречном физическом превосходстве, дарованном Небесным ограничением? Но вкус его крови тогда показался мне невероятно, до безумия сладким».

— Сидзука Годзё.

— Ах... Прости.

А-Эр встряхнул головой, избавляясь от наваждения. Он с ужасом осознал, что процесс превращения в проклятие начинает туманить его разум, постепенно разрушая крупницы здравого смысла, которые ему удавалось сохранять.

Сатору, без сомнения, заметил эту заминку, но не подал виду. Он лишь беззаботно улыбнулся:

— Ну всё, дело сделано! Возвращаемся в Магический колледж!

Мегуми, единственный сохранивший трезвый рассудок среди этого безумия, нахмурился:

— С ума сошёл? Ты действительно собираешься притащить в Магический колледж проклятие особого ранга?

— Ой, да брось ты, — отмахнулся Сатору. — Я и сам не в восторге от этих тварей. Но Сидзука Годзё — это Сидзука Годзё. И неважно, обратился он в проклятие или нет, он остаётся собой. Так что я забираю его с нами, и точка!

— Исключено, — покачал головой А-Эр. — Люди должны оставаться с людьми, а проклятия — с проклятиями. Ты шаман, Сатору. Нам больше нельзя быть вместе.

С этими словами он невольно перевёл взгляд на лежащего без сознания Юдзи. Мегуми и Сабору вознамерились забрать мальчишку с собой. Но стоило ли так поступать?

«Да, Юдзи ухитряется подавлять волю Сукуны. Но если однажды он не сдержит его? Последствия окажутся катастрофическими. И вообще, можно ли считать человеком того, кто делит плоть с Королем Проклятий? Он ведь теперь скорее полупроклятие, верно?»

«Самым разумным и безопасным выходом прямо сейчас было бы прикончить мальчишку».

— Даже если ты решишь изгнать меня прямо сейчас, я не стану винить тебя. Это будет правильно.

— Вот как? — Сатору шутливо призадумался, подперев подбородок пальцем. — Вечно ты цепляешься за эти глупые правила. Поверь, никто не посмеет пикнуть в твою сторону. Но раз уж тебе так беспокойно... давай я просто отдам тебя Сугуру? Его Манипуляция проклятыми духами идеально подойдёт. Он поглотит тебя, и мы снова заживём как в старые добрые времена. Что скажешь?

— Господин Сатору...

А-Эр открыл было рот, собираясь возразить, но Сабору поспешно примирительно вскинул ладони и сдался:

— Ладно-ладно, шучу я! Знаю же, какой ты упрямый. Если ты что-то вбил себе в голову, тебя не сломить. Идея подчинить тебя чужой воле — действительно крайняя мера... Меньше всего на свете я хочу, чтобы ты меня возненавидел.

В его голосе прозвучало столько искренней горечи, что сердце А-Эра дрогнуло от нежности. Ему безумно захотелось уступить. Всё-таки перед ним стоял ребёнок, которого он сам вырастил и вынянчил, потакаая почти всем его капризам. И всё же в некоторых вопросах идти на поводу было недопустимо.

Однако слова Сатору навели его на мысль. Пожалуй, стоило дать Юдзи право самому решить свою судьбу. Пусть Годзё заберёт его в Магический колледж, а когда мальчик очнётся, А-Эр расспросит его.

— Спасибо, господин Сатору, — негромко произнёс он. — Позаботьтесь о Юдзи. Мне пора.

— Постой, — Сатору крепко перехватил его запястье. На его лице проступила странная, пугающе безмятежная и в то же время отчаянно одинокая улыбка. — Разве ты забыл наше обещание?

Этот взгляд мгновенно погрузил А-Эра в пучину воспоминаний.

Окутанная дымкой лунная ночь. Мужчина с бездонными лазурными глазами дарит ему редкую, искреннюю улыбку, от которой сердце А-Эра переполняется чистейшим восторгом.

«Он ведь... мой друг».

Цветущая сакура, осыпающаяся недолговечными лепестками. Маленький мальчик с пронзительно-голубыми глазами сидит под деревом, безучастно наблюдая за кружением розового снега. Вокруг него — стена векового одиночества. Но вот А-Эр подходит и крепко сжимает его крошечную ладонь.

— Я буду с тобой. До самого последнего вздоха, пока смерть не разлучит нас.

Тогда он дал эту священную клятву тому, кто заменил ему всю семью и стал его господином.

«Но ведь я уже умер. Разве смерть не аннулирует клятвы? Впрочем, скажи я это вслух, Сабору из кожи вон вылезет, но заставит меня остаться».

«Малыш действительно вырос...» — А-Эр вздохнул, умиляясь его упрямству.

Делать нечего, придётся повременить с уходом. В конце концов, ему всё равно нужно дожидаться пробуждения Итадори и узнать его решение.

Незаметно для спутников А-Эр высвободил двух созданных им малых духов. Повинуясь безмолвному приказу хозяина, они бесшумно растворились в воздухе, устремившись в логово Махито.

Заметив, что А-Эр смирился, Сабору мгновенно сменил тактику. Поняв, что победа за ним, он захлопал ресницами и принялся капризно дуть губы, изображая из себя самого несчастного сироту в мире:

— Сидзука Годзё! Ты даже не представляешь, как эти гнусные стариканы измывались надо мной, пока тебя не было! Мне житья от них не давали!

С этими словами он бесцеремонно уткнулся носом в изгиб шеи А-Эра. Жесткие белые пряди щекотали кожу, заставляя невольно вздрагивать.

«Да он сейчас ластится усерднее, чем десять лет назад...»

А-Эр вздохнул от лёгкой досады, но тут же смягчился. В конце концов, ничего страшного не случилось — пусть порезвится.

«Интересно, как там дела у Махито?»

До рассвета оставалось совсем недолго, и Махито наверняка уже просыпался...

Утренние сумерки безжалостно сгоняли тьму с великих подмостков вселенной, зная, что вскоре день уступит место вечной ночи, замыкая этот нерушимый, бесконечный цикл.

Махито сидел на постели. Рядом замерли два призванных духа А-Эра. Они безмолвно и преданно несли свою службу, охраняя покой спящего.

Эти сущности были лишены воли и дара речи. Всё, на что они были способны — это беспрекословно сражаться или мгновенно оборвать своё существование.

Если у Махито случалось непредвиденное, духи должны были немедленно самоликвидироваться. Связь создателя со своими творениями была неразрывной: А-Эр мгновенно чувствовал гибель любого из них, где бы сам ни находился. Так они подавали ему сигналы.

Махито лениво протянул руку и схватил одного из стражей. Быть может, из-за того, что их породил один и тот же создатель, тела духов усеивали серебристо-белые глаза — точь-в-точь как у самого А-Эра.

Они сияли первозданной чистотой и красотой, но лик Махито в них не отражался.

Густые ресницы духа скользнули по ладони Махито. Тот капризно, по-детски сощурился и захихикал:

— Щекотно-то как!

Махито сжал духа в крепких объятиях, будто любимую игрушку. Творение А-Эра послушно, словно кроткий ягнёнок, терпело его ласки.

Вдруг раздался глухой, влажный хлопок. Плоть духа с омерзительным хрустом лопнула,

разлетаясь ошметками, и мутная темная жижа брызнула во все стороны. Серебристые глазные яблоки покатались по доскам пола, замерев безжизненными сферами, тупо уставившимися в пустоту.

Махито лениво подобрал один из глаз, покрутил его перед собой, разглядывая со всех сторон, а затем брезгливо швырнул прочь.

— Тьфу, подделка, — разочарованно пробормотал он. — У создателя они куда красивее... Жаль, что настоящие мне никогда не заполучить.

— Эх, и что же мне с тобой делать?..

<http://bllate.org/book/18335/1760479>